

УДК 930(476+477):282

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ
В ИСТОРИОГРАФИИ XVII–XVIII ВЕКОВ***канд. ист. наук, доц. Е.Е. БАРСУК**(Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина)*

Религиозная полемика в конце XVI–XVII вв. в Речи Посполитой обусловила дискуссии о роли и месте католичества, православия и униатства, определив тем самым два противоположных подхода к исторической оценке принятия и утверждения Брестской межконфессиональной унии. Отмечается, что о формировании историографической традиции, негативно рассматривавшей униатство как результат усиления позиций католической церкви и дискриминации православных в Речи Посполитой в культурном, социально-политическом и правовом аспектах можно говорить со второй половины XVII в. Идеологической основой православной традиции стали полемические сочинения Христофора Филалета, Захарию Копыстенского, Афанасия Филипповича, Мелетия Смотрицкого, Лаврентия Зизания, Симеона Полоцкого, Кирилла Транквилион-Ставровецкого, Леонтия Карповича, Фомы и Игната Иявлевичей, Петра Могилы. Православные авторы обосновывали исторические права на свободу вероисповедания «русинов», пропагандировали тезис славянского единства с целью обеспечения равенства православных на белорусских и украинских землях и необходимость защиты «веры отцов».

Ключевые слова: *Брестская церковно-религиозная уния, религиозно-полемическая литература, Иннокентий Гизель, Георгий Конисский, православная историографическая традиция.*

В современной исторической науке дискуссионными являются проблемы развития национального и сословного самосознания народов Европы в XVI–XVIII вв., следствием чего становится борьба за соответствующую идентификацию, что обусловило необходимость изучения историко-культурного наследия и формирования историографических традиций. В Речи Посполитой как полиэтничном и поликонфессиональном государстве борьба за идентичность наиболее остро выразилась в межконфессиональном противостоянии православия, католичества и униатства, что нашло свое отражение в полемических произведениях конца XVI–XVIII вв. Они в свою очередь определили принципиально различное понимание сущности унии, ее роли и значения в историографии: от резко негативных оценок в православной традиции до позитивных в работах католических и униатских авторов. Дискуссионность данной проблематики обусловила актуальность исследования истории изучения конфессиональных отношений в Речи Посполитой.

Определенной идеологической основой православной традиции в историографии явилась религиозно-полемическая литература, получившая распространение в конце XVI – начале XVII вв. в Речи Посполитой, обусловив дискуссии о роли и месте католичества, православия и униатства, определив тем самым два противоположных подхода к униатству. Начало полемики связано с историко-культурным, политическим и догматическим обоснованием идеи межконфессиональной унии и создания единой церкви в работе иезуита Петра Скарги «Об единстве церкви Божией под одним пастырем» в 1577 г. [1].

О формировании историографической традиции, позитивно оценивавшей роль православной церкви в истории белорусских и украинских земель и негативно рассматривавшей последствия принятия Брестской церковной унии и влияния католичества, можно говорить со второй половины XVII в.

Идея унии не воспринималась однозначно даже инициаторами и сторонниками церковного единства (И. Потей, И. Вельямин-Руцкий, И. Кунцевич Л. Кишка и др.), не говоря о ее противниках. Для одних ее вдохновителей уния была средством контрреформационной политики, для других – способом решения внешне- и внутривнутриполитических задач, возможностью усиления позиций православия.

Конкретное воплощение идей церковного единства в виде решений Брестского собора 1596 г. имело политические цели – расширение влияния католичества, – что вызвало недовольство рядового православного духовенства. Противники унии (Х. Филалет, К. Острожский, З. Копыстенский, А. Филиппович и др.), в связи с этим говорили о неправомерности претензий католической церкви на первенство в Беларуси и Украине, где православного населения большинство, а православные иерархи предали веру предков из-за желания увеличить собственное политическое влияние и экономические выгоды. Именно эта несколько упрощенная позиция закрепились в дальнейшей православной историографии в отношении православных сторонников униатства. Наиболее ярким подтверждением этому являются оценки деятельности М. Смотрицкого после его перехода в униатство.

Первые антиуниатские трактаты издаются в 1588 г. в Остроге: «История о разбойничем или Флорентийском соборе», «О одной настоящей православной вере» [2, с. 308]. Среди православных монастырей своей просветительской деятельностью также выделялись Свято-Духов в Вильне и Богоявленский в Киеве, Почаевская и Киево-Печерская лавры.

Необходимо было подготовить талантливых православных полемистов и развернуть широкую культурно-просветительскую деятельность, чтобы противостоять масштабной униатской пропаганде. Созданные в конце XVI – начале XVII вв. братства сыграли ключевую роль в консолидации белорусско-украинского православного сообщества, защите свободы вероисповедания, развитии образования, культуры и книгопечатания. Для подготовки будущих полемистов в братских школах по образцу западноевропейских школ преподавались «семь вольных искусств» – грамматика, риторика, логика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка, а также языки – церковнославянский, греческий, польский, латынь, белорусский или украинский – изучались на примере религиозных, юридических и литературных памятников.

Именно из этой среды выходят выдающиеся учителя и публицисты Герасим и Мелетий Смотрицкие, Стефан и Лаврентий Зизании, Захария Копыстенский, Симеон Полоцкий, Кирилл Транквилион-Ставровецкий, Леонтий Карпович, Фома и Игнат Иявлевичи и др. Православные авторы XVII в. писали на латыни, белорусском, церковнославянском и греческом языках, цитировали хронистов М. Стрыйковского, Кромера, Длугаша, античных авторов Платона, Аристотеля, Вергилия, Горация. Ведущую роль среди православных братств на белорусских и украинских землях занимали Львовское и Киевское, получивших статус ставропигии (подчинявшихся только патриарху).

Общественный резонанс получил изданный в Вильне в 1632 г. в защиту православия «Синописис», подготовленный монахами Свято-Духова монастыря специально для Сената и послов Вального Сейма в Варшаве, где обосновывались исконные права православных на свободу вероисповедания, своих митрополита и священников, приводились привилеи, универсалы и сеймовые конституции с 946 г. по 1632 г., в том числе Привилеи 1386 г., 1501 г., 1511 г., 1514 г., 1550 г., 1557 г., 1567 г. и др. Результатом дискуссий стало подписание «Артикулов для успокоения православных», которые восстанавливали юридический статус православной церкви.

С 30-х гг. XVII в. основным культурно-просветительским центром становится Киевский коллегиум, позднее называвшийся Киево-Могилянским, обучение в котором давало хорошую подготовку для продолжения образования в лучших европейских университетах. Иерусалимский патриарх Паисий, посещавший Киев в 1649 г., отмечал, что тут действует школа и учителя высокого искусства, которые учат юношей «славянскому языку как родному и латыни как необходимому». В коллегиуме при Петре Могиле была создана новая редакция церковнославянской Библии на основе греческого канонического текста [3, с. 80].

Насаждение унии вызывало не только межконфессиональную борьбу, но и общественно-политическую и социальную конфронтацию. Религиозное противостояние превратилось в фактор не только внутренней, но и внешней политики. Общество раскололось на два основных лагеря – униатский и антиуниатский. После убийства И. Кунцевича в 1623 г. православие оказалось на грани абсолютного запрета, однако казачество встало на защиту «веры отцов». Конфессиональные противоречия в Речи Посполитой способствовали формированию идеи обращения за помощью к единоверцам в Московском государстве. В православной публицистике активно начинает пропагандироваться тезис славянского единства на белорусских и украинских землях с целью обеспечения равенства православных на этих землях. Во второй половине XVII в. он распространяется и на Москву.

Полемика о том, какая вера является истинной, чьи традиции более древними, а Церковь – преемницей апостольской, обусловили изучение исторического наследия и духовной традиции, истоки которой белорусские и украинские православные публицисты находили в греко-византийском наследии: «Вся наука, которой гордятся латинники... грецкие то суть мудрости, Платонова и Аристотелева и иных философов грецких мудрость». Поэтому, по мнению З. Копыстенского, «мы, Россове, для наук в краи Немецкие удаемяся, не по латинский, але по Грецкий розум удаемяся, где як власное заходним от греков на час короткий повиреное, отбираемо» [4, с. 900–901].

Необходимость обоснования самобытности «русских земель» в Речи Посполитой определило появление исторических трактатов в стенах Киево-Печерской лавры. В большинстве литературных произведений XVII–XVIII вв. роль Киева определялась как центра духовного православия, история которого излагалась с начала крещения Руси апостолом Андреем, затем княгиней Ольгой и князем Владимиром, обеспечения свободы вероисповедания в ВКЛ и дискриминации православных в Речи Посполитой. Наиболее известными трудами в XVII в. были «Patericon» (Киево-Печерский Патерик, обработанный Сильвестром Косовым), «Синописис» Гизеля и Хронока Сафоновича.

Именно в стенах Богоявленного монастыря, а позднее Киево-Печерской лавры закладывается начало фундамента официальной идеологии Российской державы, основой которой была идея православного восточнославянского единства. Странниками данной тенденции были Фома Иевлевич, Сильвестр Косов, Петр Могила и др. Их последователем был также профессор Киево-Могилянского коллегиума, затем игумен Полоцкого Богоявленного монастыря, возведенного в сан киевским митрополитом П. Могилой, Игнат Иевлевич, который в 1656 г. утверждал: «Православию Белороссийскому имети по тме свет, по власти, зело враждующей на благочестие, видети царя Великаго Государем не токмо Малыя и Белья России, но всего победами прежде повсюду славнаго Королевства Польскаго и Великаго княже-

ния Литовского, ревнующим по благоверии вельми велико дело есть, и благодарственных всяких молитв достойно» [5, с. 320–321].

Однако социально-политические и конфессиональные противоречия в Речи Посполитой, война с Русским государством вызывали неоднозначное отношение даже самих создателей концепции. Об этом свидетельствует характеристика П.Могилы, данная ему российским исследователем истории православия XIX в. К. В. Харламповичем: «вопрос о характере отношений Петра Могилы к Москве мы бы так решили: не отдавая безусловного предпочтения польскому политическому и общественному строю перед Московским государством с его жестокости, неограниченным самодержавием и невежеством, поскольку проявления последнего были и в Польше, Могила только тогда и настолько полностью был на стороне польско-литовской, когда правительство обеспечивало гражданские и религиозные свободы своим подданным православным, и чем больше они притеснялись, тем сильнее он своими симпатиями стремился к Москве, которая для него и для многих других была последним убежищем» [6, с. 50].

Значительное влияние на формирование православной историографической традиции оказали «Синописис» И. Гизеля, изданный в 1674 г., и историко-полемические труды архиепископа Могилевского Г. Конисского.

«Синописис, или Краткое описание от различных летописцев о начале славяно-русского народа, о первоначальных князях богоспасаемого града Киева, о житии святого благоверного великого князя Киевского и всея России первого самодержца Владимира, и о наследниках благочестивья державы его российскийския, даже до пресветлого и благочестивого государя нашего царя и великого князя Федора Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца» в России переиздавался более 30 раз с дополнениями и изменениями на протяжении XVII–XIX вв., в соответствии с целями редактора или издателя.

Известный российский исследователь истории Русской Православной Церкви в XIX в. Е. Болховитинов объяснил этот факт следующим образом: «Но поелику до издания Ломоносова Краткого Русского Летописца не было никакой другой печатной Русской Истории, то сей единственный Синописис многократно был печатан и при С.-Петербургской Академии Наук» [7, с. 116].

Традиционно «Синописис» рассматривался как основа формирования российской историографии, определяя его однозначную промосковскую политическую ориентацию. В нем провозглашалось единство Великой и Малой России, общность «православнороссийского» народа, кратко сообщалось о разделении «русской митрополии» [8]. О. Лаппо-Данилевский говорил о концентрации внимания автора на истории Киевского княжества и одновременном желании связать ее с историей Москвы [9, с. 19]. По мнению М. Кояловича, Синописис – «обширнейшее исследование о происхождении славян, где помещена и басня о происхождении славян от библейского Мосоха, для более удобного объяснения Москвы, москалей, очевидно для большей славы их... главное внимание автора сосредотачивается на Киеве... Синописис поражает своей зависимостью от польских хроникеров, ... но по направлению – это чисто русская, патристическая книга, ... но слава и честь России были очень дороги и для авторов Синописиса, чем и объясняется то, что Синописис стал надолго учебною книгою российской истории» [10, с. 86–87]. Н. Сумцов в статье об Иннокентии Гизеле в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона называет Киево-Печерского архимандрита «сторонником Москвы», который поддерживал «сношения с московским правительством по монастырско-хозяйственным и политическим вопросам, по временам брался отстаивать вольности малороссийские, но его политические ходатайства оставляли без удовлетворения». Советские историки также поддерживали эту концепцию. Так, Е. Еремин утверждал, что автор «Синописиса» концентрирует свое внимание на становлении российского самодержавия, не обращая внимание на то, что большая часть текста посвящена истории Киева и украинских земель в целом [11, с. 214]. С. Пештич считал главной мыслью работы необходимость воссоединения земель белорусских и украинских в составе Российской державы, которая обосновывается историческим прошлым [12, с. 286]. Ю. Мыцык говорил о феодальной ограниченности мировоззрения автора, проявившейся в нежелании показывать казацко-крестьянские восстания, поскольку в трактате отсутствуют упоминания о двух важнейших событиях конца XVI в. – середины XVII в.: о Брестской церковно-религиозной унии и о так называемой Хмельниччине [13, с. 24].

Время создания сочинения неизвестно, известна только дата издания – 1674 г. По мнению украинской исследовательницы И. Жиленко, основной текст Киевского Синописиса был написан в период с 1651 г. по 1653 г., поскольку не содержит упоминания о смерти киевского воеводы Адама Киселя, для использования в качестве энциклопедического справочника при чтении Киево-Печерского патерика и других агиографических и полемических трудов. Это объясняет сосредоточенность автора или авторов (авторство также точно не установлено) на церковной истории Киева и истории Лавры. В основной текст были внесены более поздние вставки ярко выраженной промосковской направленности, вероятнее всего самим Гизелем, что послужило основанием для формирования идеи русского единства, которая прочно закрепилась в российской историографии.

Анализ текста Синописа свидетельствует, что автор придерживался идей православного панславизма и единого происхождения всех славянских народов, центром и духовной столицей которых являлся Киев. Следовательно, Киево-Печерская Лавра и Киевская митрополия претендуют на поддержку соседних православных народов, в том числе и Московской монархии, начало которой положено в Киеве. Позицию редактора и упоминание российских самодержцев при издании труда можно объяснить желанием сохранить или укрепить позиции церковной иерархии после Переяславской рады.

Деятельность Г. Конисского как православного иерарха в первую очередь была направлена на защиту прав верующих и агитацию среди униатов о возможности перехода в веру отцов, эти же практические цели преследовали работы Могилевского архиепископа единственной православной епархии на белорусских землях. В 1765 г. он подает «Мемориал об обидах православным по случаю представления новому королю Станиславу Августу Понятовскому», в котором он перечисляет «случаи угнетения православных в Речи Посполитой, которые имели место за время его епископства с приложением списка церквей, отнятых в унию», а в 1767 г. в Варшаве издает книгу «Права и вольности исповедующих греко-восточную веру в Польше и Литве». Священный Синод признал ее весьма полезной: «Оную книгу для случающихся впредь справок взнестъ в список и хранить в канцелярии Св. Синода с Указными книгами, а для удобнейшего чтения перевесть ... на российский язык». Попыткой систематического изложения истории западнорусских православных епархий от «начала их возникновения до недавних лет» с краткими биографическими сведениями об их иерархах была работа «Историческое известие о епархии Могилевской, в Белой России состоящей, и о епархиях, в Польше бывших, благочестивых, т.е. греко-восточного исповедания, кои римлянами обращены на унию или соединены с Римскою церковью» с приложением «Каталога православных епископов Могилевских», изданная уже после первого раздела Речи Посполитой [14].

Георгий Конисский сформулировал основы православной историографической традиции в своих работах «Записки преосвященного Георгия Конисского о том, что в России до конца XVI века не было никакой унии с Римскою церковью», «История русов или Малой Росии». По форме изложения «Записки» продолжают традиции религиозно-полемики XVII в, распространенной на белорусских и украинских землях в XVII в.

В предисловии к изданию «Истории Русов» в 1746 г. он подчеркивает: «история Малой России до времен нашествия на нее татар с ханом их Батыем соединена с историей всей России или она и есть единственная история Российской, ибо всем известно начало сея истории вместе с началом правления Российского беретса беретса от князей и Княжеств Киевских...». По словам автора, источниками его работ были «летописи и записки белорусские, яко из страны единоплеменной, соседствующей и от руин Малороссийских удаленной», и конкретно «Летопись, что ведена с давних лет в Могилевском искусными людьми, сносившись о нужных сведениях с учеными мужами Киевской Академии и разных знатнейших Маророссийских монастырей, паче тех, в коих проживал монахом Юрий Хмельницкий... оставивший в них многия записки и бумаги отца своего Зиновия Хмельницкого и самые журналы достопамятностей и деяний национальных», а также античные источников, западные и польские хроники, полемическая и богословская литературы, труды польских историков [15, с. 1–2].

Могилевский архиепископ развивал идею о необходимости объединения великороссов, малороссов и белорусов в составе России и доказывал исторические права белорусского православия. Г. Конисский продолжил киевскую традицию, начиная «Историю» с краткого рассказа об родоводе киевских князей, этапах христианизации Руси, в том числе упомянув Андрея Первозванного, княгиню Ольгу и князя Владимира, писал о толерантности в ВКЛ до конца XVI в.: «религия русская греческого или иерусалимского исповедания уравниена с римскою католическою на равные права и преимущества, яко свободная и союзница, утверждена привилегиями королевскими и сеймовыми конституциями» [15, с. 8], резко негативно оценивал итоги Брестской унии: «...Народу Русскому давши испить самую горестную чашу, какую и во дни Нерона и Калигулы не все христиане вкушали... Уния явилась здесь в лисьей коже, но с волчьим горлом» [15, с. 32]. В своих работах акцентировал внимание на истории казачества и его позитивной роли в защите православия, определял хронологические этапы гетманства от Ленцкоронского и Д. Вишневецкого до Мазепы и Скоропадского. Конисский оценивал Петра Могила как одного из самых выдающихся деятелей православия [15, с. 48]. На его материалы ссылались практически все российские исследователи истории православия в западнорусских землях в XIX в., в том числе Н.Н. Бантыш-Каменский, Евгений Болховитинов, Макарий Булгаков, Филарет Гумилевский С.Т. Голубев и многие другие. Тем самым можно говорить об оформлении православной традиции в российской историографии.

Таким образом, религиозно-полемическая литература обусловила два противоположных подхода к исторической оценке принятия и утверждения Брестской межконфессиональной унии: униатский (католики и униаты) и антиуниатский (православные авторы). Идеологической основой историографической традиции стали полемические сочинения православных авторов, которые рассматривали униатство как результат усиления позиций католической церкви и дискриминации православных в Речи Посполитой, обосновывали исторические права на свободу вероисповедания «русинов», пропагандировали тезис славянского единства на белорусских и украинских землях и необходимость защиты «веры отцов». Эти идеи нашли свое отражение

в «Синописе» Иннокентия Гизеля 1674 г. и историко-полюемических трудах архиепископа Могилевского Георгия Конисского (1717–1795), которые легли в основу российской историографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. O jedności Kosciola Bozego pod jednym pasterzem. Y o Greckim od tey jedności odstąpieniu. Z przestroga y upominaniem do narodow Ruskich, przy Grekach stoiacych // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической Комиссией : в 39 т. – СПб., 1872–1915. – Т. 7.
2. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: В. Б. Евароўскі [і інш.]. – Мінск : Беларус. Навука, 2013. – Т. 3. Рэфармацыя. Контррэфармацыя. Барока / В.Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – 616 с.
3. Исаевич, Я.Д. Преемники первопечатника / Я. Д. Исаевич. – М. : Наука, 1981. – 190 с.
4. Копыстенский, З. Палинодия или Книга Обороны католической святой апостольской Восточной Церкви / З. Копыстенский // Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб. : Тип. А. Траншеля, 1878. – Кн. 1. Русская историческая библиотека. – Т. 4. – С. 313–1200.
5. Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся / изд. Н. Новиков. – 2-е изд. – М. : Тип. Компании типографической, 1788. – Ч. III. – 476 с.
6. Харлампович, К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь / К.В. Харлампович. – Казань : Изд-во книжного магазина М.А. Голубева, 1914. – Т. I. – XXIV, 878, LXVI.
7. Болховитинов, Е. Иннокентий Гизель // Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви / Е. Болховитинов. – М., 1995. – С. 116–117.
8. Жиленко І.В. Синопис Київський. Лаврський альманах / ред. рада: В. М. Колпакова (відп. ред.) [та ін.] – К. : ВІПОЛ, – Спецвип. 2 : Синопис Київський / І. В. Жиленко. – 2002. – 194 с.; Мечта о русском единстве. Киевский синопис (1674) / предисловие и подготовка текста О. Я. Сапожниковой, И. Ю. Сапожниковой. – М. : Европа, 2006. – 248 с.
9. Лаппо-Данилевский, А.С. Очерк развития русской историографии./ А.С. Лаппо-Данилевский // Русский исторический журнал. – 1920. – Кн. 6.
10. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – Изд.3-е. – СПб. : Тип. Суворина.
11. Еремич, Е.П. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. / Е.П. Еремич // Труды отдела русской литературы. – 1959. – Т. 10.
12. Пештич, С.Л. «Синопис» как историческое произведение / С.Л. Пештич // Труды отдела древнерусской литературы. – 1959. – Т. 15.
13. Мыщык, Ю.А. Украинские летописи XVII века / Ю.А. Мыщык. – Днепропетровск, 1978.
14. Теплова, В.А. Церковная история Беларуси в трудах отечественных историков XIX – начала XX века. [Электронный ресурс] / В.А. Теплова. – Режим доступа: <http://hramvrs.by/teplova.htm>. – Дата доступа 20.07.2015.
15. История русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского, архиепископа белорусского. – Киев : РИФ «Дзвін», 1991. – 320 с. – (Репринтное воспр. изд. 1846 г.).

Поступила 08.10.2015

FORMATION OF ORTHODOX TRADITION IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE XVII-XVIII CENTURIES

E. BARSUK

Religious polemics at the end of the XVI–XVII centuries in the Polish-Lithuanian Commonwealth (Rzecz Pospolita) caused discussions about the role of Catholic, Orthodox and Uniate Churches, having determined two opposite approaches to historical assessment of acceptance and approval of the Brest interfaith union. The formation of historiographic tradition of negative assessment of uniate church as a result of strengthening the position of Catholicism and discriminating Orthodoxy in the Polish-Lithuanian Commonwealth culturally, socially, politically and judiciary can be traced from the second half of the XVII century.

Hristofor Filalet, Zachariah Kopystensky, Afanasy Filippovich, Meletiya Smotrisky, Lavrenti Zizaniya, Simeon Polotsky, Kirill Trankvilion-Stavrovetsky, Leonti Karpovich, Foma and Ignat Iyavlevichey, Pyotr Mogila's polemic compositions became ideological basis of orthodox tradition. Orthodox authors proved historical rights for freedom of religion of "Russinians", propagandized the thesis of Slavic unity for the purpose of ensuring equality of Orthodox Christians on the Belarusian and Ukrainian lands and the need of protection of "belief of fathers".

Keywords: Brest church and religious union, religious and polemic literature, Innokenti Gizel, Georgy Konissky, orthodox historiographic tradition.